

A photograph of a man and a woman sitting on a rug in front of a brick fireplace with a fire. To the left is a Christmas tree and several wrapped gifts. The scene is cozy and festive.

18+

Елена Наумова

Желание

Елена Наумова

Желание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63522152

ISBN 9785005192134

Аннотация

Елена Наумова – врач из Челябинска. Истории Елены, написанные в жанре современной романтической прозы, привлекают лёгкостью слога, простотой изложения, душевностью и глубиной мысли. А невыдуманные ситуации из врачебной практики придают рассказам драматизм и достоверность, заставляя сопереживать героям.

Содержание

От автора	5
Руккола	9
Женщина	30
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Желание

Елена Наумова

Редактор Эльвира Шабаета

Дизайнер обложки Хельга Штурм

Иллюстратор Леонард Крылов

Организатор Коллегия Поэтов и Прозаиков

© Елена Наумова, 2020

© Хельга Штурм, дизайн обложки, 2020

© Леонард Крылов, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-9213-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Дорогие друзья, вы держите в руках сборник рассказов, объединённых общей тематикой. Все они – про Новый год. Это особенный праздник. Время, когда в чудеса верят даже взрослые. Не признаются никому в открытую, но где-то в глубине души верят и ждут. И ведь чудеса случаются. Я бы хотела, чтобы истории, собранные в этой книге, настроили вас на лирическую волну.

Праздник – красивая декорация, яркая. На этом фоне мне особенно интересно было прописывать отношения мужчины и женщины, приправлять непростыми жизненными обстоятельствами, трудностями, переживать вместе с персонажами, а в итоге сильно к ним привязаться, полюбить.

В моих рассказах присутствует тема медицины – свою профессию я очень люблю. Тем не менее, когда в ряде специфических вопросов мне требовалась помощь, бессменным консультантом выступал мой муж – врач-хирург. Я благодарна ему за поддержку в любых моих начинаниях.

Когда я писала, то очень живо представляла себе, как читатель (наверное, это будет женщина, ведь истории-то романтические) придёт домой, достанет только что приобретённую книгу, поудобнее устроится в кресле, укроется пледом и погрузится в мир моих героев.

Возможно, прочтёт книгу сразу. А может быть, дочитав один рассказ, закроет, подойдёт к окну и, глядя на снежинки, пляшущие в свете фонарей, будет долго-долго думать о чём-то своём. Потому что зацепило. Потому что нашло отклик в душе. Затем даст книгу своим знакомым, друзьям или же оставит у себя, зная, что захочется прочитать вновь.

Мне, как и любому автору, очень важна реакция читателя на мои рассказы.

А рассказы разные получились. Один заставит улыбнуться, другой – посочувствовать персонажам, третий – проследиться... Но я верю, что они не оставят вас равнодушными.

Вот такое у меня желание. А у вас? У вас, дорогие читатели, есть желания? Я уверена, что да. Так загадайте их под бой курантов, и пусть в этот волшебный праздник все ваши желания сбудутся!

С наступающим праздником, друзья!

С Новым годом!

Руккола

Эта история произошла в канун Нового года, в пору, когда случаются самые невероятные вещи. Они поражают, удивляют, и порой в них бывает очень сложно поверить.

С Элей мы договорились встретиться в ресторане – отметить наступающий праздник. И кто бы мог подумать, что вечером в пятницу это будет проблемой... Конечно, нужно было позвонить и позаботиться о столике заранее. Но такая простая мысль не пришла в мою полную новогодних забот голову. Поэтому сейчас я стояла в холле и с напряжением наблюдала, как администратор сосредоточенно просматривает лист ожидания.

– Хмм, минут через двадцать я, пожалуй, смогу вас накормить, – наконец произнесла девушка. – Но только столик надо будет через час освободить.

Я сникла. В кармане раздалась трель сотового. Эля.

– Да.

– Лен, я уже бегу, буду совсем скоро.

– Слушай, тут проблема. Все столики заняты.

– Может, тогда через дорогу? – предложила подруга.

Я думала недолго:

– Отлично, увидимся там.

Выйдя из ресторана, я вдохнула свежий морозный воздух. Город ожил перед праздником. Центральная улица была украшена иллюминацией. Дед Мороз зазывал прохожих в какой-то новый магазин игрушек. Из динамиков доносилась весёлая музыка. Люди спешили по своим очень важным делам, но на лицах то и дело загорались улыбки от предвкушения чего-то волнительного и волшебного.

Я перешла через дорогу. Эля предложила ресторанчик попроще. Обстановка там была не такой камерной – зал большой и столики не особо отделены друг от друга.

Но я слышала, что кормили в заведении вкусно, а этого нам более чем достаточно.

Несмотря на то, что зал был полон, администратору удалось найти для нас местечко.

Милая официантка по имени Аня проводила меня к столу, положила передо мной меню и удалилась, пожелав приятного вечера. Заказ я пока делать не стала. Решила, что подожду Элю. Огляделась по сторонам. Да... Народу уйма, и довольно-таки шумно. Можно и посекретничать, вряд ли кто-то услышит. Мы не виделись три месяца. За это время накопилось много новостей, которыми я жаждала поделиться с подругой.

Когда она появилась в дверях, я улыбнулась, привстала и махнула рукой. Эля устремилась ко мне, и мы обнялись порывисто и крепко.

– Привет, дорогая! Я соскучилась, – улыбнулась подруга, стягивая с себя пуховик и водружая на вешалку, стоящую

неподалёку.

А я-то как соскучилась. Эля была настоящим аккумулятором энергии и оптимизма.

И ничего удивительного, что люди грелись возле неё, как около маленького солнышка. Мы познакомились ещё в институте, и я была очень счастлива, что нам удалось сохранить дружбу спустя столько лет.

– Ну, что, заказала что-нибудь?

– Тебя решила дожидаться, – улыбнулась я.

И мы с энтузиазмом взялись изучать меню. Я выбрала греческий салат, на горячее – шашлык. Как не попробовать фирменное блюдо заведения! Эля же в числе прочего заказала брускетты. Я закатила глаза и усмехнулась. Название-то какое красивое, а на деле просто бутерброды. Хотя... На фото выглядело аппетитно. Эля жестом подозвала официантку.

– Скажите, а на брускетты с паштетом можно попросить

повара положить по листочку рукколы?

Я с интересом и удивлением на неё посмотрела, а Эля, заметив мой взгляд, протянула:

– А чтооо... Знаешь, как вкусно?

Аня кивнула и пообещала обо всём узнать.

– Как ты? Рассказывай, – тронула я подругу за рукав.

Эля достала телефон и с гордостью продемонстрировала мне фотографии подросшей дочки. У той, оказывается, в её пять с половиной лет, имелся собственный мобильник. И она звонила с него всюду и писала сообщения. Мы умилились фразам «мама, а ты разрешишь сесть боранку?» и «мама, на СТС идёт гарипотор». Вскоре вернулась официантка. Поначалу немного замялась, видимо, не зная, как мыотреагируем, а потом проговорила:

– Я узнала. Добавить рукколу в брускетт будет стоить сорок девять рублей.

Это было очень смешно. При том, что сам брускедт стоил сто сорок. Эля притворно возмутилась:

– За два листочка сорок девять рублей?!

А потом рассмеялась. Ничего не поделаешь, назвался груздем – полезай в кузов. Аня с облегчением вздохнула и понеслась на кухню, чтобы передать заказ.

Угощение действительно было очень вкусным. Мясо таяло во рту. А от ароматного глинтвейна по телу разлилось приятное тепло и возникло ощущение лёгкой предпраздничной эйфории. Утолив первый голод, мы решили, что настало время для вручения подарков. Сам праздник мы традиционно встречали каждая со своей семьёй, поэтому сейчас был отличный повод поздравить друг друга.

Эля пододвинула ко мне свёрток, в котором оказалась очень красивая подвеска на серебряной цепочке, украшенная фианитом. Я положила вещицу на ладонь и залюбо-

валась, как сверкает и переливается камень в искусственном освещении. Прошло не меньше минуты, прежде чем я вспомнила о своём подарке для подруги.

Прокашлявшись, я приняла нарочито серьёзный вид, поправила на носу несуществующие очки и начала свою шутовскую речь:

– Уважаемые дамы и господа! Вы присутствуете на презентации первой книги начинающего автора Елены Наумовой!

– Уоооуу!!! – Заплодировала Эля и протянула руки к презенту.

Я смущённо смотрела, как она разрывает упаковку и с трепетом и осторожностью перелистывает страницы, вдыхая запах типографской краски. Справедливости ради стоит сказать: книга была не полностью моей. Это был коллективный литературный сборник. Одно сообщество в соцсети помога-

ло продвижению авторов на конкурсной основе. Моя работа заняла призовое место.

– Лена!!! Ленка!!! Ты такая молодец! Я тобой горжусь! – Эля чуть ли не подпрыгивала на месте, а я улыбалась во весь рот.

А дальше подруга потянула меня к ёлке – делать селфи с книгой. Мой отказ (что люди скажут?!) её не остановил, и Эля пошла фотографироваться на фоне зелёной красавицы сама. Подруга позировала и так, и эдак. Посетители начали на неё с любопытством поглядывать, но я-то знала, что на мнение окружающих ей глубоко наплевать.

Мы обсудили наших мужей, работу и ещё много чего... С Элей всегда было очень приятно общаться. Она умела слушать, вникать, задавать вопросы, а я старалась учиться у неё и отвечать тем же.

Еда заканчивалась, но уходить не хотелось. К столику

напротив нас, через проход, подошла компания парней. Я скользнула по ним взглядом и хотела спросить Элю о чём-то. Только фраза застряла в горле, потому что я увидела, как подруга изменилась в лице:

– Лена, это Салават... Мы с ним десять лет не виделись.

Я присмотрелась и с удивлением узнала в одном из молодых людей первую любовь Эли. Салават пополнел немного, но в остальном не сильно изменился. Они встречались, когда мы учились на втором курсе. Я помнила, как Салават сочинял для Эли сказки. Естественно – сказки, волшебные сюжеты, где главными героями были, конечно, они сами. Милые и романтические истории, пробуждающие самые сокровенные и светлые девичьи мечты.

Ещё он дарил ей обалденно красивые букеты, водил в кино и на спектакли... В общем, ооочень красиво ухаживал. Эля была влюблена, как кошка: глаза горели, руки подраги-

вали, когда рассказывала о нём. И я была за неё очень счастлива.

Такие пары, как они, должны были доучиться, жениться и нарожать много-много детишек. Это представлялось таким правильным, логичным и естественным. Мы за их отношениями наблюдали целым курсом. Поэтому для всех было шоком, когда Салават и Эля расстались.

Ссора вышла глупая и пустяковая: из-за какой-то ерунды. Слово за слово, и градус обиды уже дошёл до той точки, когда хотелось уколоть, укусить побольнее. На одну из резких реплик Эля ответила: «Раз так, тогда давай разбежимся!» На что Салават моментально и не задумываясь отреагировал: «Давай!»

Вот и всё. Два упрямца... Нет, она не рыдала тогда у меня на плече и выглядела относительно спокойной. Но одному Богу было известно, что происходило у неё на душе.

Через полгода после этого Эля встретила своего будущего мужа, а через год после окончания института они родили замечательную девочку. Семейная жизнь шла своим чередом. Так зачем же судьбе понадобилось вновь сталкивать этих двоих?

Эля нервным движением взбила волосы и поднялась из-за стола:

– Ладно... Я пошла здороваться, – и направилась к ребятам.

Действительно. Глупо было бы Салавата игнорировать, сидя напротив и делая вид, что незнакомы.

Сказать, что Салават удивился, увидев её, – это ничего не сказать. На его лице отразилось смятение, он явно не знал, как себя вести. Они изобразили подобие объятий, легонько похлопав друг друга по плечу, как старые приятели. Затем Эля поприветствовала его товарищей. Судя по тому, что она была с ними знакома, компанию Салават за десять лет так и не поменял.

Странность и необычность происходящего поражали.

//Сказать, что Салават удивился, увидев её, – это ничего не сказать. На его лице отразилось смятение, он явно не знал, как себя вести...//

Какова была вероятность встретиться в городе-миллионнике? И не просто в одном ресторане, а за соседними столиками! Сцена такая банальная на первый взгляд – встреча с бывшим... В сериалах над подобными эпизодами, похожими один на другой, мы порой ухмыляемся, критикуем. Только вот в реальной жизни почему-то не смешно.

Глаза Салавата бегали. Он не знал, куда деть руки. То засовывал их в карманы, то теребил ремешок часов. Когда, наконец, Эля вернулась за наш столик, а парни заняли свои места, Салават спрятался за меню. Он усиленно делал вид, что выбирает блюда, а моя Эля получила небольшую передышку.

– Лен, ну что за гадство! Почему именно сегодня я без макияжа? – вполголоса проговорила она, прикрыв рот рукой

и избегая смотреть в сторону ребят.

– Успокойся, – тихо ответила я. – Ты прекрасна, как всегда.

И это было чистой правдой. Чёрные длинные ресницы, чёрные брови – Эле косметика была не особенно нужна.

– Лен, как так? Как так, а? – громким шёпотом продолжала подруга.

– Ну, вот так, – развела руками я. – Происходят иногда случайности, в которые поверить порой бывает трудно.

– Давай закажем ещё выпить, – попросила Эля и подозвала официантку.

Некоторое время мы говорили о какой-то ерунде. А когда принесли коктейли, Эля сделала несколько глотков и прикрыла глаза.

– Всё ещё больно? – тихо спросила я.

– Ты знаешь, нет. Всё со временем забылось, стерлось

из памяти. Просто я сейчас думаю о том, что вся моя жизнь могла бы сложиться по-другому... Иначе... Если бы я тогда засунула свою глупую гордость куда подальше. Если бы он пошел навстречу. Лен, может, он меня и не любил никогда?

Я промолчала. А что тут скажешь? Да и зачем? Какой смысл? У каждого уже давно своя жизнь.

Один из парней обратился к Эле. Она подошла и присела к ним за столик.

Мне было очень сложно понять, что она сейчас чувствует. Как это – спустя много лет встретить человека, в которого была когда-то влюблена? Возможно ли, чтобы что-то осталось? Десять лет... С ума сойти.

А за соседним столом тем временем происходило то, за чем было неловко наблюдать, даже как-то постыдно. Как в щёлку или замочную скважину. Вроде обычная беседа, общение некогда знакомых людей. Только вот чувства, тща-

тельно скрываемые, всё равно заметны. В каждом движении, жесте, взгляде, реплике. Причём как у него, так и у неё... Милая моя, да что же с тобой происходит?

Эля опрокинула в себя рюмочку наливки и засмеялась над шуткой сидящего рядом с ней парня. Салават молчал, сверлил её напряжённым взглядом и хрустел суставами. Будто руки чесались врезать другу за то, что претендует на её внимание.

Наконец, поводов находиться за столом не осталось, а может, просто уже не было сил, и Эля снова пересела ко мне.

– Я с тобой, – тронула я её за руку.

– Спасибо, я знаю, – грустно улыбнулась она.

А потом поднялась и направилась в сторону холла:

– Я на минутку, извини.

И я кивнула, даже не удивившись, что через некоторое время Салават встал из-за стола и пошёл за ней.

***

Мне нужно было прийти в себя. Я не ожидала его здесь увидеть. Да и можно ли к такому быть готовой, когда думаешь, что уже ничего не осталось в душе. Разве что, обида и лёгкая досада... Хотя, кого я обманываю? Зашла в туалет, открыла кран и брызнула себе в лицо холодной воды.

Из зеркала на меня смотрела молодая женщина. Немного уставшая, но красивая и... счастливая? А и вправду, я счастлива? Что мне ещё нужно? Умница-муж, замечательная дочка, дом – полная чаша... Отпусти, Эля. От-пус-ти.

А самое смешное, что я его ревновала. Сама себе не отдавала в этом отчёт, но ревновала. Мучила себя, просматривая его страницы в соцсетях. Они пестрели снимками счастливой семейной жизни, глянцевого и отфотошопленной до тошноты. Как нелепо: ревновать, не имея на мужчину никаких прав. Я с маниакальным упорством прокручивала колёсико

мышы, и на экране мелькали его ребенок, жена. Что мне это давало? Да, ничего. Долбанная мазохистка. От-пус-ти.

Я провела влажными руками по волосам, одёрнула джемпер и хотела вернуться в зал. Но была настолько погружена в свои мысли, что не заметила, как по пути натолкнулась на...

– Поговорим?

Его голос, такой густой и тягучий, его запах вызвали лёгкое головокружение. А его близость пробудила ворох воспоминаний, совершенно ненужных сейчас, спрятанных глубоко в сердце.

– О чём? – ответила глухо, почти неслышно.

– Как ты?

– Странный вопрос, – усмехнулась я. – Учитывая, что я уже рассказала всё там.

И мотнула головой в сторону зала.

– О себе, – он сделал акцент на этом слове, – ты не рассказала ничего.

– А что ты хочешь услышать?

– Ты счастлива?

Я молчала. Я даже сама себе не могла ответить, тем более ему.

– Злишься?

– Нет.

Я испытывала всё, что угодно, только не злость.

– Знаешь, я часто вспоминаю о тебе, – продолжил он. – Ты прости меня, пожалуйста. Так глупо всё тогда вышло. Если бы можно было вернуть назад, переиграть... Я прошу, прости.

Я тонула в его взгляде и понимала, как ничтожны и мелочны были прошлые обиды. Сейчас они не значили ровным счётом ничего. Исчезла куда-то глупая ревность, мучившая на протяжении нескольких лет.

Всё это время я будто таскала на плечах огромную каменную плиту, а сегодня скинула этот неимоверно тяжёлый груз. И испытала при этом такое облегчение, что даже стало легче дышать.

– Я прощаю тебя. И ты меня тоже извини. И... – я замялась. – Я тебе очень благодарна. Я хочу сохранить в памяти только самое доброе и светлое, что у нас было.

– Спасибо, – Салават привлёк меня к себе и поцеловал в макушку.

Лена вертела в руках бумажную салфетку, уставившись прямо перед собой невидящим взглядом. А потом, заметив меня и Салавата, улыбнулась. Она поняла всё без слов. Я присела за столик и жестом пригласила официантку:

– Аня, повторите, пожалуйста, брускетты с рукколой... – а после обратилась к подруге, отсалютовав ей бокалом, – С Новым годом, Лен! С Новым счастьем!

Женщина

Ольга

Эта ночь выдалась тяжёлой, я толком не поспала. Дежурства в хирургии вообще редко когда проходят спокойно, но накануне были побиты все рекорды. Я сидела на диване в ординаторской и понемногу заливала в себя горячий крепкий кофе, пытаюсь собрать мозги в кучу и настроиться на очередной рабочий день.

Кстати, сколько сейчас времени? Пять, шесть, семь часов? Попробуй пойми, декабрь, темнота за окном. Я похлопала себя по карману, достала смартфон – разряжен. Пришлось вставать и подключать его к зарядному устройству. Энергия, видите ли, у товарища закончилась... Как я тебя понимаю, бедняга... Был бы у меня такой же проводок. Раз – и зарядилась Ольга Витальевна от сети и пошла лечить

своих пациентов.

И всё-таки, который сейчас час? Висящие над дверью ординаторской часы показывали половину второго, чего быть никак не могло. Видимо, тоже села батарейка. Нужно было через силу и через «не хочу» её заменить, потом забуду, а коллеги на эти часы ориентируются. Мало ли...

Я выдвинула ящик своего стола, порылась там. Господи, чего только нет: маски, перчатки, гигиеническая помада, леденцы «барбариски»... Позже приберусь, сейчас некогда. Наконец, я нашла то, что требовалось – пальчиковую батарейку. Дотянуться до часов не стоило и пытаться. Роста я была, прямо скажем, небольшого. Ниже среднего. Поэтому сразу взяла стул и подставила к двери. Затем забралась на него и только потянулась вверх, как дверь ординаторской открылась (ладно, что хоть наружу, а не внутрь!). От неожиданности я пошатнулась и упала прямо на руки совершенно незнакомому мужчине. Он был широк в плечах, от его курт-

ки пахло табаком и парфюмом.

Когда же подняла глаза, мне от души улыбнулись самой лучезарнейшей из всех возможных улыбок. И тут бы воодушевиться, взволноваться и обрадоваться, как любой нормальной свободной девушке. Да только чувства я испытала совершенно не те. Мной овладели неловкость и раздражение.

– Поставьте меня, – глухо проговорила я.

Когда оказалась на полу, обнаружила: незнакомец настолько высок, что я дышу ему куда-то в район солнечного сплетения. И, чтобы избежать неудобства и не запрокидывать голову при разговоре, отступила на шаг назад.

– Вы кто?

– Я ваш новый доктор, – пояснил мужчина. – Вячеслав Ростовцев. Можно Слава. Знал бы, что у вас такие красивые девушки с неба падают, ещё раньше к вам в отделение пере-

шёл бы.

Мои щёки залила краска. Я, честно сказать, к компли-
ментам не привыкла. Ну, так вышло, что не говорили мне
их. В отделении была, что называется, «своим парнем». Пре-
красным специалистом,

хорошим другом и товарищем. Но на этом всё.

Мама воспитывала меня одна. Вымотанная тяжёлыми де-
журствами на «Скорой», она приходила домой почти без
сил. Её едва хватало на то, чтобы сварить нехитрый ужин
и перекинуться со мной парой фраз. Я не обижалась, нет. По-
нимала, как ей тяжело. Одно время мне очень хотелось яр-
ких лент, как в косах у моих одноклассниц, кружевного ши-
тья на юбках и платьях. Только, глядя на маму, очень скоро
я поняла, что это не главное. Я обрезала волосы и с каким-то
болезненным удовольствием принялась за учёбу. Выучиться
и работать, работать, работать – вот что стало моей целью.

Состояться как специалист, профессионал своего дела. Чтобы за чужой спиной не прятаться, а самой себя обеспечить и за себя постоять.

Отношений с мужчинами не было. Хотя в мои двадцать восемь уже «пора». Так почему-то считается в обществе. Я никогда не понимала, почему. И была очень счастлива, что никто из моего близкого окружения не напоминает о «тикающих часиках»

и тому подобном. А мнение остальных меня не интересовало. У меня были отношения с моей работой: и подругой, и женой, и любовницей. Я никогда не чувствовала, что со мной что-то не так. Очень уютно и спокойно жила в своём мирке, ограниченном стенами больницы, ну и стенами собственной квартиры иногда. Только вот побочным эффектом всего этого являлось то, что как женщину меня никто не воспринимал. В том числе и я сама.

Слава был, скорее всего, постарше. Но не настолько, чтобы называть его по имени-отчеству. Он окинул меня оценивающим, заинтересованным взглядом. Что он там такого разглядел, одному Богу известно. Ведь я была обычной, совершенно обычной. Слава аккуратно взял у меня батарейку, которую, оказывается, я всё ещё держала в руке, с лёгкостью дотянулся до часов и реанимировал их, подкрутив стрелки:

– Скоро восемь. На пятиминутку опоздаем, – проговорил он. – Где у вас можно переодеться?

Я махнула рукой в сторону закутка, отгороженного ширмой, думая о том, какой же размер хирурги-

ческого костюма у этого дяди Стёпы? И не шьёт ли он одежду на заказ?

Работать в отделении гнойной хирургии было непросто. Больные, по большей части, поступали в тяжёлом состоянии,

со множеством сопутствующих заболеваний. Лежали по два, по три месяца, так как раны заживали длительно, болезненно. Но мне нравилась эта специализация. Я ни разу не пожалела, что пришла сюда пять лет назад «зелёным» интерном. В это отделение не толпилась очередь из бывших студентов. А я брезгливой никогда не была, и лентяйкой тоже. Знания впитывала быстро, навыки перенимала легко. Надо сказать, это окупалось сторицей. Я чувствовала удовлетворение от работы, когда видела разницу «до» и «после». И это было круто!

В актовом зале стоял шум. Продвигаясь между рядами к свободному месту, я здоровалась с коллегами, улыбалась, обменивалась приветствиями.

С удивлением заметила, как наш заведующий, Денис Александрович, дружески похлопал Славу по плечу. Интересно, они старые знакомые что ли? Но додумать мысль я

не успела, потому что начмед стал вызывать дежурантов для доклада по ночной смене. Стоило послушать хотя бы из уважения.

Денис

– Ну, добро пожаловать!

Я распахнул дверь кабинета и пригласил Славу войти. Приятель сделал несколько шагов, огляделся и присвистнул, увидев дорогой компьютер и кожаный диван. Да, за пять лет заведования я обзавёлся кое-какими атрибутами взрослости. В другой раз я, может, и побахвалился бы, но сейчас было не до того. Все эмоции перекрывала радость от встречи со старинным другом.

– Неплохо устроился, братец!

– Да, ты садись! Сейчас кофе попьём и на обход пойдём, – я нажал на кнопку кофемашины, и она

утробно заурчала, выдавая по капле ароматный напиток.

Слава улыбнулся, подняв брови вверх:

– Ааа... – протянул приятель.

– А, это всё благодарные пациенты. Расскажи хоть в двух словах: что ты, как ты? – приготовился слушать я, усевшись рядом.

– Да что я. На севере поработал, опыт перенял, денег подкапил. Да только ничего хорошего там нет, домой всё равно тянет.

– Один?

– Один, – он, грустно усмехнувшись, отвёл взгляд.

– Н-да, – я хлопнул себя по коленям. – Удачно у нас Виктория Владимировна в декрет ушла. Будто специально освободила для тебя место.

Кофе был уже готов. Я протянул кружку другу, на что Слава многозначительно ответил:

– Спасибо.

***

– Отделение у нас на сорок коек, – на ходу вводил я в курс дела друга и коллегу. – Твои палаты будут – раз, два и три, – махнул я рукой. Слава, не отставая от меня, согласно кивнул. – Помимо нас с тобой работают ещё врачи, потом познакомишься.

– Да вроде познакомился уже, – усмехнулся друг.

– Ну вот и отлично. В первой половине дня приходят ординаторы. Их двое. Зови ассистировать на операции, не жалей. Пусть учатся. А сейчас пойдём, послушаем, как прошли выходные, – и я открыл дверь первой палаты.

Палата была женская, на четыре койки. Вела пациенток Ольга Шарипова – молодой врач. Пришла она в отделение почти одновременно со мной и была в общем-то толковым специалистом. Только в некоторых вопросах наши точки зрения расходились совершенно. Как, например, в данном случае.

– Пациентка Игнатьева Мария Васильевна, восемьдесят шесть лет, – начала Шарипова доклад. – Облитерирующий атеросклероз левой голени в стадии трофических нарушений. Сахарный диабет второго типа. Состояние после инсульта, правосторонний гемипарез.

– О, какие слова жуткие, Ольга Витальевна. Так и скажи, что рука и нога у меня не двигаются, а на другой ноге язвы долго не заживают, потому что сосуды забиты, – старушка заулыбалась.

Ольга тепло посмотрела на неё и шутливо осадилла женщину:

– Тише, Мария Васильевна, не мешайте работать. Вы же знаете, что так положено.

Я и сам не любил, когда пациенты лезли со своими комментариями. Врачу отвечать нужно чётко и по делу.

– Вы как сегодня спали? – поинтересовался я, подходя поближе.

– Боли мучили, Денис Александрович. Я уж медсестру не стала будить...

– Не стали будить... – эхом повторил я. – Доп-плер дела-
ли? – обратился уже к Шариповой.

Ольга открыла историю болезни на странице с вклеенным
протоколом УЗИ сосудов нижних конечностей и протянула
мне. Так... Передняя и задняя большеберцовые артерии за-
биты капитально, артерии стопы – тоже ничего хорошего...

– Сосудистые хирурги когда её смогут взять на стол, узна-
вали?

– Денис Александрович, я по-прежнему считаю, что в дан-
ной ситуации пациентке показана ампутация. Слишком мно-
го сопутствующих заболеваний. Операция на сосудах – это
очень большие риски, – настойчиво проговорила Ольга.

– Оля, я согласна на сосудистое шунтирование, – вновь
вмешалась Мария Васильевна. – Ногу я терять не хочу. Меня
ведь осматривал сосудистый хирург, молодой такой, симпа-
тичный. Он объяснял про шунтирование, про обходные со-
судистые пути. Как будет восстановлено кровоснабжение. Я

хоть и старая, но кое-что поняла.

– А он вам не объяснял про...?

– Так, ну вот что, – перебил я зарвавшуюся докторшу. – Свару возле койки пациента мы устраивать не будем. Ольга Витальевна, после обхода зайдите ко мне в кабинет. А ваше, Мария Васильевна, мнение я понял и совершенно с вами согласен.

Шарипову трясло, её глаза метали молнии. И она с трудом смогла взять себя в руки, чтобы рассказать о следующем пациенте:

– Прохорова Елизавета Романовна, тридцать восемь лет. Постинъекционный абсцесс правой ягодичной области...

Слава на меня как-то странно посмотрел, но промолчал. А я подумал, насколько же противной бывает наша профессия, гадкой и неблагодарной.

***

Через два часа ко мне в кабинет постучал Слава. Я как раз составлял график дежурств на январь.

– К старому другу можно и без стука, – улыбнулся я, оторвавшись от бумаг.

– Тут ты мне не друг, а начальник, – паясничал он. – Слушай, я положил сейчас двоих пациентов. Самообращение, ничего экстренного. Завтра буду брать в операционную. Это мне к кому?

– График операций составляет завоперблоком. Внутренний номер 224, – и я протянул ему трубку радиотелефона. – Звони прямо от меня.

– Спасибо, – поблагодарил Слава и присел на диван.

В этот момент в кабинет постучали опять, а затем в дверях показалась Шарипова:

– Денис Александрович... Вы заняты, – покосилась она на Славу. – Я могу позже зайти.

– Нет, проходите, присаживайтесь.

– Спасибо, я постою.

Слава между тем закончил телефонный разговор и с интересом поглядывал на нас. То на одного, то на другого.

//В этот момент в кабинет постучали опять, а затем в дверях показалась Шарипова...//

– Ольга Витальевна, – обстоятельно начал я, отодвинув в сторону бумаги, – пациентке Игнатъевой показана сосудистая операция, и мы её проведём.

– Может, поясните, почему? – твёрдо проговорила врач.

– Хотя бы потому, что этого хочет сама пациентка!

– Денис Александрович, мы её потеряем!

– Ольга Витальевна, мы её НЕ потеряем! – я вскочил с места и упёрся руками в стол.

– Так и скажите, что операция на сосудах дороже стоит, чем ампутация! Скажите же, ну! Здесь ведь все свои! Скажите, что страховая компания её лучше оплачивает, и больница больше денег получит! Скажите, что вам это просто выгодно!

– Довольно, Ольга Витальевна! Хватит препирательств! С сегодняшнего дня вашей пациенткой займусь я сам. Чтобы через десять минут её история была у меня на столе! Если ещё раз выслушаетесь распоряжения заведующего, можете искать себе но-

вое место работы.

Ольга сверкнула глазами и вылетела из кабинета, звучно хлопнув дверью. Я обессиленно опустился на стул и потёр лицо руками. Слава молчал, а я не мог собрать мысли в кучу.

– Дэн, ты прости, конечно, но ты не прав, – осторожно проговорил друг.

– Ты тоже считаешь, что показана ампутация?

– Я эту пациентку сегодня впервые увидел, не возьмусь судить. Я про другое. С Ольгой не надо так.

– Как? – не понял я.

– Грубо и по-хамски.

– Я ей ни одного слова грубого не сказал. Общался с ней, как начальник с подчинённой.

– Так нельзя, Дэн. Она женщина.

Я фыркнул и возвёл глаза к потолку.

– Ольга не женщина, Слава. Она врач! Профессионал!

И если она будет обижаться на какие-то не такие интонации в свой адрес, то грош ей цена как специалисту!

– Она – женщина, Денис, – повторил друг и вышел из кабинета.

Ольга

Я бежала по коридору, с трудом сдерживая слёзы. Не могла расплакаться при всех. Не могла и не хотела. Скрыться у нас в отделении можно было только в одном месте – в комнате сестры-хозяйки. Я забежала внутрь, закрыла за собой дверь и, привалившись к ней спиной, дала волю слезам.

Галина Николаевна гладила халаты. Но, увидев меня, рас-

строенную и выведенную из равновесия, аккуратно поставила утюг и подошла поближе.

– Тююю, Оленька. Почему глаза на мокром месте? Кто обидел? – она подвела меня к небольшому старенькому диванчику, усадила и пытливо заглянула в глаза, – Денис?

Я размазывала слёзы по щекам и пыталась выровнять дыхание. Нет, заведующий был ни при чём. К его манере общения я привыкла уже давно.

Дело было в другом.

– Денис пациентку забрал. Он считает, что я лечила неправильно.

– Так, может, ему виднее? – пожилая женщина погладила меня по руке.

– Я прикипела к этой пациентке, понимаете, Галина Николаевна. Казалось бы, всего ничего у нас лежит, а привыкла. Понимаю, что мы ко всем больным должны относиться оди-

наково, беспристрастно и не выделять «любимчиков», но ничего не могу с собой поделаться. К тому же, она так похожа на мою бабушку. Вот захожу в палату и как будто снова с ней разговариваю. А Денис хочет провести очень рискованную операцию, которая, скорее всего, её убьёт.

Сестра-хозяйка снова покачала головой.

– Я опять её потеряю, Галина Николаевна! Опять, понимаете?! – и я опустила голову женщине на колени.

Она тихонько гладила меня по волосам и шептала что-то успокаивающее. Я думала, что усну, но тут

дверь открылась, и в проёме возник Слава с двумя стаканчиками кофе из автомата.

– Оля, мне медсёстры сказали, что ты забежала сюда. Он болван, не обращай на него внимания... Будешь? – и протянул мне горячий напиток.

Денис

«Она женщина...» – звучал в голове Славин голос. Я не мог сосредоточиться на работе, утренний скандал выбил из колеи. С сосудистыми хирургами связался сразу же. Они поставили Игнатьеву в график на послезавтра. Я пытался убедить себя, что поступаю правильно, но смутное чувство тревоги не давало покоя.

Ольга была прекрасным врачом. Умела быстро реагировать в экстремальных ситуациях, принимала решения незамедлительно, всегда корректно и вежливо общалась с пациентами и их родными. Но её ослиное упрямство иногда просто выводило из себя. Она не раз пренебрегала моими распоряжениями.

И с Игнатьевой вышло то же самое. Ольга не понимала, что всё гораздо сложнее, всё не однозначно. И я, как заведующий отделением, иначе просто не могу поступить.

Женщина... Я её никогда так не воспринимал. Знал дав-

но, да. Но причёски, юбки, каблукы, жеманность, кокетство – это всё не про неё. Своя, что называется, в доску. Я представил себе Ольгу посреди моего кабинета, там, где она стояла сегодня утром. И в памяти искрами стали вспыхивать мелкие детали. Вспомнил, как вздымалась от злости её высокая грудь, как щёки заалели от гнева. А глаза – большущие, карие – метали в меня молнии. Женщина...

С делами разобрался только часам к восьми вечера. Но и не торопился особо, так как дома меня никто не ждал. Редкие подружки надолго не задерживались, а я сильно не настаивал. Должность подразумевала частенько ненормированный рабочий день, мало кого это устраивало.

Я переоделся в гражданское и уже запираю дверь кабинета, когда услышал крики из «приёмника».

У нас был свой приёмный покой, отдельный от «чистой» хирургии. Чёрт, что там происходит у них? Через несколько

секунд я оказался на пороге «приёмника» и быстро оценил ситуацию.

На кушетке возлежал молодой парень лет двадцати, не больше, на первый взгляд совершенно целый и невредимый. Пары алкоголя, витавшие в кабинете, давали понять, что парню сейчас очень хорошо. Кушетка, видимо, оказалась настолько удобной, что он прикрыл глаза и собрался подремать. Его приятель, такой же молодой и такой же пьяный, схватил за костюм Ольгу и тряс с криками:

– Полечи моего дrrруга!

Рядом с маленькой Ольгой он выглядел просто великаном. Шарипова смотрела на него круглыми от ужаса глазами и не могла вымолвить в ответ ни слова. Медсестра вжалась в противоположную стенку и бочком продвигалась к выходу, чтобы позвать на помощь. Я в два шага пересёк кабинет, оттащил от Ольги малолетнего алкаша и усадил на стул.

– Успокоился! – рявкнул я на парня, и тот притих.

Глянул на Ольгу – она так и стояла, обхватив себя руками, и дрожала всем телом. Я её просто не узнавал. Прежняя Ольга могла бы выгнать этих двух оборотов в зашей. Так что же произошло сейчас? Я понимал, что парень-то, в сущности, безобидный. Особого вреда он ей бы не нанёс. Но испугал сильно.

– Что беспокоит друга? – спросил я, хотя за такое отношение к моему врачу стоило бы размазать его по стенке.

– Вторую неделю палец на ноге болит. Полечи, доктор, а? Я вдохнул, выдохнул, провёл по лицу рукой и тихо, но чётко, чтобы было понятно каждое слово, проговорил:

– Домой. Спать. А с утра – в поликлинику по месту жительства.

Парень поник, опустил голову, как будто ему нанесли тяжкую обиду, а потом тяжело поднялся и начал «соскребать» своего приятеля с кушетки.

– Пойдём, Никитос, никто нас лечить не хочет... – с тоской проговорил он.

Друг же его спал сном младенца и искренне не понимал, почему его потревожили.

Дождавшись, когда эти двое исчезнут, я подошёл к Ольге. Она смотрела прямо перед собой и никак не реагировала. Я взял её за плечи и заглянул в глаза:

– Оля! Оля, посмотрите на меня.

Она подняла голову.

– Воот, хорошо, – я улыбнулся. – Пойдёмте, я вас чаем напою?

Она кивнула, и я, аккуратно придерживав дверь, повёл её к себе в кабинет. Кто бы мне сказал с утра, что я буду угощать чаем доктора, доставляющего мне столько хлопот и проблем, не поверил бы. Но как её оставишь? Развернуться и уйти? Так нельзя! Так не делается. Нужно убедиться, что она в порядке и всё.

Пока закипал электрический чайник, я смотрел на Ольгу, сидящую на диване, и у меня на душе кошки скребли. Она,

всегда такая боевая, решительная, сейчас сжалась в комок и никак не могла прийти

в себя. Я присел перед ней на корточки и взял её руки в свои:

– Сильно испугалась?

Она неопределенно мотнула головой.

– Охрану-то почему не вызвала?

Сказал, а потом сам понял, что глупость спросил. Вероятно, всё произошло быстро. А чтобы вызвать охранника из другого корпуса, нужно было как минимум взять трубку радиотелефона и набрать по памяти трёхзначный номер. Я сжал челюсти. Давно говорили главврачу, что надо сделать везде тревожные кнопки... А то мало ли таких любителей полечиться вечером придёт.

– Кстати, а почему ты ещё не дома? Ты же с дежурства.

– «Чистым» помогала. Им огнестрел и ножевое привезли.

Рук не хватало, – тихо ответила Ольга и прикрыла глаза.

Я понял, что до дома она просто не доедет. Уснёт в маршрутке, или на чём она там добирается...

– Так, ложись, – решительно сказал я.

Она протестующе замотала головой.

– Ложись, кому говорю. Отдохни.

И тут то ли мой начальнический тон повлиял, то ли она и вправду так устала, но Ольга послушно положила голову на подлокотник и с благодарностью на меня посмотрела. Я подумал немного, затем достал из шкафа плед и накрыл её. Отделению нужны адекватные и отдохнувшие доктора, а не врачи с поехавшей от переутомления крышей.

Уснула она очень быстро. Верхний свет я погасил, оставил только настольную лампу. И что дальше? Пойти домой? А как она одна останется? Я разглядывал спящую Ольгу и пытался разобраться в себе. Происходила полная ерунда.

День вышел сумбурный какой-то. Ещё утром я мог чётко себе ответить, что именно чувствую по отношению к доктору Шариповой. Уважение. Нейтралитет. А как ещё может относиться начальник к подчинённому? Да, она иногда раздражала своими решениями, принятыми мне наперекор. Но по большей части оказывалась права.

После событий сегодняшнего дня – после разговора со Славой, после того, как я увидел её дрожащей в руках пьяного мудака – всё как-то неувлимо поменялось. Я испытал... Жалость? Нет. Сочувствие? Тоже нет. Что тогда? Желание защитить? Позаботиться? Рыцарь, блин, в сияющих доспехах. Это усталость, просто усталость. Надо выспаться, а утром всё встанет на свои места.

Ольга вздохнула во сне, повернулась на другой бок, и при этом её рука неловко свесилась с дивана. Я подошёл, взял её за запястье. У неё была очень мягкая, тёплая кожа, и на за-

пястье часто-часто билась голубая жилка. Не знаю, смог бы её отпустить или нет, но Ольга сама высвободилась, что-то пробормотала сквозь сон и пристроила руку себе под голову. Всё шло куда-то не туда. И слишком быстро шло. Я остро ощутил потребность уйти. Мне здесь не место. Дожил. Не место в собственном кабинете. Но оставить кабинет открытым не мог, не мог и разбудить Ольгу. Поэтому устроился в кресле, склонив голову на бок, и сам не заметил, как задремал.

Ольга

Проснулась я от стука. Вначале никак не могла понять, где нахожусь, но потом, приподнявшись на локте, увидела чёрную кожаную обивку дивана, и события вчерашнего дня потихоньку стали всплывать в голове. Выходит, я уснула в кабинете за отделением? Н-да. Только где же он сам?

И словно в ответ на мой вопрос из кресла, стоящего непо-

далёку поднялся Денис Александрович и пошёл открывать дверь.

– Денис, я хотел посоветоваться по поводу Козлова из пятой палаты... – начал было Слава, но осёкся на половине фразы, потому что увидел меня, заспанную и растрепанную. – Я не вовремя? – перевёл он взгляд на заведующего.

– Нет-нет, всё в порядке, – я быстрым движением пригладила волосы, встала, поднялась с дивана и одёрнула хиркостюм. – Мне пора.

И, прошмыгнув мимо мужчин, выбежала из кабинета.

Господи, как так получилось, что я уснула? Гадство! Денис теперь ещё больше ко мне цепляться будет. Работать нормально не даст после такого проявления наглости с моей стороны. Но он ведь сам привёл меня в кабинет. И перед Славой неудобно получилось. Так, ладно. Об этом подумаю завтра. А сейчас были дела поважнее. Пятиминутку я

уже проспала. Перевязки сделаю быстро, а потом наведаюсь к Марии Васильевне. Я всё-таки была полна решимости отговорить упрямую старушку от операции, которая может её убить.

Денис

– Хм, ты всегда так делаешь, Дэн? Сначала орёшь на подчинённых, а потом их у себя в кабинете спать укладываешь?

Слава прошёл в кабинет, задумчиво вращая в руках смартфон, а потом поднял глаза на меня.

– Долго объяснять... Почему тебя это так волнует?

– У тебя с ней что-то есть? – проигнорировал мой вопрос друг.

– Есть, – кивнул я. – Я её начальник, она – врач моего отделения. Вот и всё, что у нас есть. Слава, а тебе что за дело?

– Она хорошая, она мне понравилась.

– Давно ты женщин выбираешь по принципу хорошести?

– Да не выбираю я её. Мне просто не нравится наблюдать, как ты её обижаешь. Или это в порядке вещей, и до меня так же было?

– Слав, ты про Козлова что-то хотел спросить, – я обогнул стол, сел за рабочее место и сцепил руки в замок.

– Да к чёрту Козлова, Дэн. Просто она – вылитый ты. Такой же трудоголик, одержимый хирургией. Ты мой лучший друг. Я тебя знаю одиннадцать лет, Дэн. И, когда у тебя женщина вызывает такие сильные чувства, неважно —положительные или отрицательные, – это неспроста... В общем, подумай об этом...

– Подумаю, – эхом отозвался я, провожая друга взглядом.

Ольга

Я стояла возле дверей палаты и слушала разговор, явно не предназначавшийся для чужих ушей. Было время обеда, и я как раз хотела зайти к Марии Васильевне, пока её сосед-

ки вышли в буфет. Но она была не одна. Аркадий Степанович навещал свою супругу чуть ли не каждый день. Старикки были настолько трогательны в проявлении своей любви. Я наблюдала за ними, такими настоящими, и мной овладевало странное, незнакомое до этих пор чувство белой зависти. Неужели так бывает? Неужели можно так любить: в любом возрасте, в любом облике, в болезни и в здравии, в горе и в радости?

Они общались с достоинством, присущим их поколению, но в то же время с такой невыразимой нежностью, что это не могло оставить меня равнодушной.

// Они общались с достоинством, присущим их поколению, но в то же время с такой невыразимой нежностью, что это не могло оставить меня равнодушной...//

Я просто диву давалась. Оказывается, любовь можно пронести через годы.

Казалось бы, в разговоре двух пожилых людей ничего такого не было. Речь шла о совершенно обыденных вещах. О кошке по кличке Дуся, о соседях, о герани, цветущей дома на подоконнике. Но то, как тепло они друг на друга смотрели, то, как Аркадий Степанович расчёсывал её седые пряди маленьким гребнем, а потом по просьбе супруги долго искал в сумке зеркальце... У меня эти простые мелочи вызвали трепет в душе и какое-то волнение.

Я осторожно прикрыла дверь и направилась в ординаторскую. Не время сейчас. Не нужно их тревожить. Забегу к ней потом, успеется.

Денис

Рабочий день закружил в своём водовороте. Ближе к двенадцати часам вызвал главный врач. Оказывается, одна из пациенток сфотографировала и выложила у себя в инстаграме порцию обеда из нашего

буфета. Якобы мы недокармливаем людей. В тарелке подписчики насчитали у неё двадцать восемь макарон. Мысль, что она успела часть съесть или перевалить в другую тарелку, как-то не приходила никому в голову. Дело раздули из ничего. История дошла до горздрава, и мне пришлось писать по этому вопросу объяснительную. За всё время заведования настолько бесполезно я своё время ещё не тратил.

На лестнице, когда уже возвращался в отделение, меня поймал Слава. Начал что-то мне рассказывать, но я, как ни старался, в суть вникнуть не мог. Мысли по-прежнему крутились вокруг макарон и пределов человеческой глупости.

Прияель шагал в ногу со мной и, когда мы поравнялись с дверью одной из палат, неожиданно притормозил:

– Постой, надо помочь.

Остановился и я. Но, не сразу сообразив, чем помочь и кому, так и остался стоять в коридоре. Слава же зашёл в палату. Там Ольга с медсестрой пытались переложить с каталки на кровать пациентку, видимо, после операции. Слава опустил каталку до

уровня койки, и совместными усилиями им удалось переместить женщину.

А я стоял как дурак и смотрел на происходящее, даже не понимая, от чего меня так накрыло. Ведь подобное происходило каждый день, работа в нашем отделении требовала больших физических усилий ото всех сотрудников, от женщин в том числе. Так в какой же момент я решил будто так и надо? В какой момент стал закрывать на это глаза? Ещё

в детстве мне вложили в голову, что простые вещи, которые я могу сделать как мужчина: придержать дверь, помочь с тяжелыми сумками, – сделают жизнь женщины приятнее и удобнее. Тем более, что мне это ровным счетом ничего не стоит.

Но, видимо, работа свела на «нет» всё во мне, что было человеческое. Нет, я не сделался хамлом и быдлом, только замечать жизнь, настоящую и правильную, будто перестал. Душа зачерствела, что ли?

Я увидел, как Ольга подняла глаза на Славу и, тепло ему улыбнувшись, что-то проговорила. С удивлением я обнаружил, что хочу, чтобы она так же смот-

рела на меня – с благодарностью и симпатией. Это была совершенно глупая, необоснованная ревность, и, чтобы заглушить идиотское и неуместное чувство, я поспешил к себе в кабинет.

Ольга

Холл был украшен к Новому году, Галина Николаевна постаралась. Тут и ёлочка имелась со струящимся «дождиком» и шариками, и мишура на окне... Пациентам праздничное убранство очень нравилось, они любили коротать здесь время. Это хоть как-то скрашивало дни вынужденного заточения. Соседки Марии Васильевны устроились в креслах перед телевизором и ловили каждое слово ведущего вечернего ток-шоу. Поэтому я решила воспользоваться моментом и переговорить с Марией Васильевной с глазу на глаз.

– Оленька, ты опять дежуришь? – пожилая женщина улыбнулась, когда я вошла в палату и прикрыла за собой дверь. – Всех денег не заработаешь, милая.

– Мария Васильевна, вы как? Медсестра была? Укол сделала?

– Да толку от этих уколов. Не помогает ничего, Оля.

– Нужно немного подождать, препарат же не сразу дей-

ствует, – попробовала успокоить её я.

Возникла неловкая пауза, а потом Мария Васильевна проговорила:

– Оля, ты не переживай за меня. Я ведь знаю, почему ты пришла. Вы ссоритесь из-за меня с Денисом, я не хочу, чтобы вы...

– Да при чём здесь Денис? Он меня в последнюю очередь волнует. Я за вас очень беспокоюсь. Откажитесь от операции, Мария Васильевна, – горячо попросила я. – Вы можете её не перенести.

– Ну, значит, так суждено, Оля, – и пожилая женщина отвела взгляд. – Я давно живу на этом свете. А перед Аркадием Степановичем я не буду калекой.

– Мария Васильевна! Вы поймите, уж простите за прямоту, вы всё равно не встанете. А при ампутации будет гораздо больше шансов на успех.

– Оля, ты знаешь, как мы с Аркадием Степановичем познакомились?

– Нет, – ответила я, не понимая, к чему она клонит.

– Мы познакомились на танцевальной площадке. Танцы устраивали прямо между домами. Ох, как Аркадий меня кружил! – лицо Марии Васильевны приняло мечтательное выражение, морщинки разгладились, губы растянулись в улыбке. – Он был молодой статный красавец с пышной шевелюрой, я тоже была хороша. Наряды шила себе сама, в те времена о таком изобилии, как сейчас, можно было только мечтать. Спустя время моя лучшая подруга Зинаида рассказала, что все любовались на нас с Аркадием и завидовали. Как же я была удивлена! Ведь мы ничего и никого вокруг не замечали! Мы прожили очень счастливую жизнь, Оля. И всю жизнь я чувствовала себя любимой. Правда, детей так и не нажили. Видимо, так Богу угодно было. Но я не об этом хочу сказать, Оля. Для своего любимого мужчины я хочу остаться женщиной до конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.